

Галина Рукина

КАТАСТРОФА

Произошла катастрофа. Как это случилось — никто не помнил. Вернее не помнил Он, но Ему казалось, что не помнил никто. Да нет, не казалось, Он знал точно, что никто, как и Он, не помнил, как это произошло: всё говорило за то, что так было на самом деле. Никто не паниковал, было тихо, даже торжественно; все думали о спасении, и мысли всех работали так слаженно, как будто здесь были не несколько десятков людей, а единый организм, и Он не паниковал. Он часто раньше фантазировал себе подобную катастрофу, но она всегда была связана с автомобилем, а не с поездом. Может быть поэтому и поезд этот оказался таким странным: каждый вагон похож на автобус. Да и поезд ли это, может и верно, автомобиль, то есть автобус, но мгновениями мелькала мысль, что это и вовсе какой-то водный транспорт. — "Похоже на ракету", — мелькнуло у Него. Но это не заботило. И не только Его, и других. Он часто фантазировал, что бы Он делал, если бы автомобиль вдруг влетел в реку, где достаточно глубоко, "с головкой" — как говорили в детстве. И знал всегда, что нужно не паниковать, не терять спокойствия, а дожидаться, когда вода заполнит автомобиль "до рыбки": для этого нужно открыть одно окно, если все окна закрыты, конечно. Потом, когда воздуха, то есть свободного от воды пространства, станет так мало, что дышать уже нельзя, надо, нырнув /опустив голову под воду/, открыть дверь — только спокойно, не спешить, не делать лишних движений, не паниковать — это главное, ведь надо выдержать этот нырок — набранного в последний раз воздуха должно хватить на всплытие, но это уже последнее. А пока: открыть дверь, — это можно, так как разница давления ещё существует, ведь вода наполнила машину не до потолка, когда ты нырнул, нырнул вынужденно, потому что дышать уже нельзя, вода дошла до носа. Открыть дверь, зная, что будет сопротивление; не искать ручку, а заранее держать её. И ещё важный момент: дверь должна быть с противоположной стороны от открытого, точнее, приоткрытого окна, так как дверь с открытым окном испытывает большее давление. А когда дверь открыта — всплыть. Рывок, толчок, и быстро-быстро вверх, как можно быстрее. Если всё делать методично, спокойно и последовательно — можно спастись, ведь дыхание можно задержать до полминуты. Если из этого времени на дверь потратить двадцать секунд /всё-таки сопротивление воды, давление — ведь машина на ней/, то 5-10 секунд достаточно для всплытия в такой реке, как Нева. О фантазии чаще всего связывались с Невой. Вероятно потому, что такое липкое соединение реки и автомобиля ощущалось особенно на Неве, в большом городе... Но это были фантазии. Теперь был факт — ката-

строфа. Почему никого, и Его тоже, не волновало, как это произошло, как будто этого и не происходило, а просто был факт катастрофы, и факт длительный, — вероятно оттого, что Его давно подготовленное состояние "не паниковать, а действовать" каким-то чудом передалось остальным. Возможно, здесь Он заблуждался. Ведь почему Он думал, что только Он так реально, подробно, тщательно и часто разрабатывал в уме метод спасения. А вдруг и они, все, тоже...

Но Его не могли заботить эти мысли, нет, Он был вполне готов начать действия, хотя катастрофа — только что — вот она —, — и мгновения ещё не прошло. Станные наши мысли, какова их скорость. Да и мысли ли? Может быть ощущения? Или что иное. И об этом Он тоже не думал. Просто в ещё не прошедшее мгновение катастрофы Он уже знал, что все настроены так же, как и Он, что это странный поезд, и что Он странным образом не знает, куда Он ехал, и почему они оказались вдруг в реке. И естественно, могут ли заботить в такой ответственный момент такие вопросы, ведь сейчас так важно спастись, — Он так готов к этому — что прошлого просто не существует. Да, готовность всех была удивительной: кто-то уже приоткрыл несколько окон, правда с ошибкой — на той же стороне, что и дверь. Но и то, и другое, то есть и это верное быстрое действие, и ошибку, Он воспринял как природный факт, и не оценил, что одно — хорошо, а другое — плохо. Как к дождю — весной или к снегу — зимой отнёсся бы человек, если он не раздражен ничем, а находится в состоянии действия. Только факт: вижу, что сделано это и это. Что ж, на его долю случилось только всплыть. Но одна мысль волновала: какова глубина. Кажется, это волновало всех. Волновало — не совсем точно, все хотелось бы знать точно, и такой человек нашёлся. Кто-то сказал, что не настолько глубоко, чтобы не всплыть здоровому человеку с задержкой дыхания в 40-50 секунд. Да, это несколько осложняло положение. Значит, кто-то не выберется. Ведь возможны случайности: можно зацепиться за что-нибудь, можно не очень хорошо оттолкнуться, можно в спешке выбрать не самый короткий путь, в общем — мало ли что. Здесь бы и пары, а может быть и целые семьи! забота о другом — тоже потеря времени, но и пренебречь ей не все смогут, а тогда... Нет. Он не думал, фантазируя своей катастрофой, что можно оказаться в ней с близким человеком. Вернее, когда думал об этом, методичности становилось маловато, Он заранее пугался за другого, что тот, другой, конечно, испугается за него, а это уже паника. И Он не мог придумать ничего действенного, верного, путался в эмоциях, и мнимая катастрофа оставалась без завершения. И ещё Он никогда не думал, что можно, как говорится, — забыть себя. Сейчас, в момент катастрофы, Он не

ответил бы, пожалуй, как его имя и фамилия. Они улетучились так же, как его путешествие и момент падения /ведь был же этот момент, но Он не помнил ничего, ничего не знал/. Он даже не ощущал внутри себя того отношения к себе, что определяется местоимением "Я". Он был "Он". Без всяких определений. Просто — Он. Не чужой и не близкий, не знакомый и не совершенно неизвестный, пропало даже ощущение пола. Вопрос, мужчина Он или женщина, прозвучал бы для Него бессмысленным набором слов, похожим на иностранную речь из какого-нибудь репродуктора и не имеющим к Нему никакого отношения. Он не ощущал себя как "Оно" потому, что "Оно" не относится к человеку. Но почему Он не ощущал себя как Она? Может быть потому, что Он и впрямь был мужчиной, а может быть потому, что "Он" — это человек, слово "человек" — мужского рода, скорее всего потому. Всех этих рассуждений не было в его голове, был только единый факт из трёх фактов: Катастрофа — Он — Человек. Всё.

Вода заполняла помещение со скоростью, соразмеримой с давно воображаемой катастрофой; всё было соразмерно, и потому никак не оценивалось, как не оценивают воздух, которым дышат, если этот воздух обычен, а не слишком грязен или не слишком чист. То, что Он ехал куда-то далеко, выяснилось, вернее, вдруг прояснилось, выяснилось, когда Он увидел свой чемодан и ~~две~~ сумку. Беда! Чемодан был раскрыт. Но почему беда? Разве дело сейчас думать о спасении чемодана? Ведь с ним всплыть не просто. Эти мысли уже были в Нём, но сумбурные; одна наталкивалась на другую. Действия переставали быть разумными — и однако же становились разумными до методичности сумасшедшего. Он стал закрывать чемодан, запихивая вещи — их было много; чемодан закрывался туго. Воды Он не ощущал, как если бы её не было. Просто что-то мешало, делало движения вялыми, как во сне. Чемодан Он брать не собирался — Он это знал, но застёгивал его, давил коленом на мягкую, выпирающую крышку, тянул за ремень, опоясывающий чемодан посередине и, наконец, застегнул. Была мысль, оправдывающая эти действия: потом будут доставать всё со дна /ведь будут же!/, и тогда Его чемодан будет закрытым, и вещи не расплывутся. Были ли там ценные вещи? Да нет, обычные носильные вещи, Он даже толком не помнил, что именно. А вот в сумке было нечто для него важное. Он вспомнил это вдруг, увидев, как раскрылись веером листки бумаги с напечатанным на машинке текстом. Его стихи. Это был единственный экземпляр. Он вспомнил: — Это важно. Вспомнил, что Он не поэт, но что стихи дороги Ему прожитой жизнью, что без них Он не сможет, что без них будет очень-очень плохо. И вдруг понял, что раньше ему никогда не приходило в голову, что стихи могут пропасть /сгореть или

потеряться/, и что это так страшно для Него. Чемодан был закрыт, и стало непонятно, что закрывал Он его не потому, что собирался вернуться за ним, или надеялся, что будут доставать вещи, а потому, что надо было что-то делать, пока вода не заполнит помещение. Но теперь времени оставалось в обрез, а листки ждали спасения. Их необходимо взять с собой. Сумка была как мешок, без крышки; листки всплывут из неё — что тогда делать? Он держал их в руках, и ещё взял сумку с документами — инстинкт, приобретенный за годы жизни: потеря документов грозила большими неприятностями, даже попавшему в катастрофу. Восстановление повлечёт вопросы, по многим причинам для Него нежелательные. Нет, Он не вор, не шпион, за Ним нет никакой вины, но Он знал, что при восстановлении какая-нибудь вина да найдётся. Не страшная, но нервы, но жизнь станет очень тяжёлой на какое-то время, будут неприятности, будут замить какие-то люди, а Он... Да, "Он", пожалуй, слишком чувствителен — Он это понял.

Сборы чемодана, ловля листков, поиски сумки с документами заняли слишком много времени. В помещении оставался один человек, но он тут же скрылся в ^{уже} открытую дверь. "Как быстро все вышли, — подумал Он, — ведь дверь открыли только что". Он вдруг понял — мысль была как порез острым лезвием — короткая вспышка без времени — Он понял: Он уже под водой. Когда Он вдохнул в последний раз, сколько у Него воздуха в запасе — Он ничего не чувствовал. Он заработал всем телом, двигаясь к двери. Он почувствовал чемодан в руках, когда хотел оттолкнуться и всплыть. Что за глупость! Чемодан Он выпустил из рук, уже всплывая вверх. Чемодан медленно опустился на дно — Он это чувствовал, но не видел. Глаза Его воспринимали какую-то общую мутность, мало похожую на воду. Он никогда не тонул, плавал совсем плохо, никогда не открывал глаза в воде, а если летом и купался в воде, то всегда с закрытыми глазами, всегда на мелководье — Он очень боялся утонуть, боялся воды и потому, вероятно, не смог научиться плавать, и хотя на воде держался, но недолго, пока хватало дыхания, а как только кончался запас воздуха, тут же становился на ноги. Однажды Его столкнули с пирса, где глубина была "с головой". Столкнули в шутку, рядом была лесенка, да Он и сам дал повод, сказав, что хочет прыгнуть, но вряд ли бы прыгнул сам, вот Его и толкнули. Так что у Него был уже опыт всплытия, но, конечно же, с закрытыми глазами. Тогда Он "солдатиком" пошёл до самого дна, а коснувшись его, оттолкнулся с неожиданной силой и всплыл гораздо быстрее, чем погружался. Ему потом не верили, что Он достал дно ногами, говорили, что здесь "глубина", и что прыжок был не с высоты, так как юда только на пол-метра не доходила до пирса. Но так было

Сейчас же всплытие было медленным, может быть потому, что чемодан помешал хорошо оттолкнуться, а может быть по другой, неизвестной Ему причине. Почему Он открыл глаза? Да Он и не закрывал их, зедь Он не почувствовал момента, когда вода накрыла Его, этого момента как будто не было. Да и вода была какой-то странной. Мутность была прозрачной, не плотной, вернее не массивной, а как бы состоящей из мельчайших частиц, приклеенных друг к другу; не единой массой, а скорее разреженным воздухом. Да, да, таким Он всегда представлял себе безвоздушное пространство, только оно имело в Его воображении чёрный, или близкий к черному цвет. Здесь же Он видел цвет, названия которому не знал. Грязно-охристый, если охра — прозрачная... Нет, не совсем точно. Он всплывал, а его занимало определение цвета и плотности воды, и ещё какая-то её характеристика, которую Он не мог определить, но она Его мучила более, чем спасение жизни. И вдруг Он понял, что дышит, что Он не чувствует воды, а есть что-то вроде воздуха, какой-то странный газ без запаха, цветом похожий на мёд, на гречишный мёд. И ещё Он знал: этот газ — отрава, а Он им дышит, — Он знал, что дышит, но задержать дыхания не мог, ведь для этого надо набрать воздуха в легкие, а воздуха не было, был — газ. Он дышал и не дышал. Он уже не знал — дышит Он или нет. Было покойно оттого, что не было мучений, которые Он связывал с тонущим, захлёбывающимся человеком, но было страшно, безумно страшно оттого, что Он не мог определить, что это за газ, которым Он дышит и не дышит. Да, да, Он не делал дыхательных движений, но дышал. Это было выше Его разумения и этот страх боролся с покоем, с отсутствием страха смерти. Какое жуткое напряжение!

Последнее столкновение страха с покойным сознанием своего спасения, взрыв внутри, и — всё... Он стоял на чём-то твердом. Земля это или что-то плавучее — Он не знал. Он жалел чемодан, оставшийся на дне. Почему Он не взял его? Ведь так легко было всплывать, никакого удушья, никакой проглоченной воды, ничего такого. Он чувствовал, что мог бы одолеть и большую глубину. Кругом сновали люди. Оказалось, что есть жертвы. "Есть несплывшие", — сказал кто-то. "Мой брат!" — мелькнуло вдруг. Как же Он до сих пор не вспомнил о брате, ни разу не вспомнил, что в поезде был Его брат. Вместе ли они ехали — этого Он не знал. Снова, как и в момент катастрофы, Он не знал ничего о себе, не знал, почему Он ни разу не вспомнил о брате. Он обратился к кому-то с вопросом о брате. Ему показалось, что к женщине, и что они знакомы, но эта мысль мелькнула и исчезла, как исчезла женщина, когда ответила, что брат жив, и показала куда-то в сторону. Или она только двинула рукой, но в лице её, в движении было ясно: брат жив.

Брат играл с каким-то человеком в игру, похожую на шахматы, а может быть и в шахматы, был спокоен, даже улыбнулся, только похож был на перенесшего тяжёлую болезнь и как-то постарел.

Вновь Ему стало жалко чемодана. Он оглянулся в растерянности, не зная, что предпринять: некоторые люди приводили в порядок свои вещи, которые они складывали или доставали из чемоданов. Таких было немного, но ведь были, были такие, кто всплыл с чемоданом. Он вдруг понял, что Ему ничего не стоит нырнуть, взять чемодан и всплыть. Страх перед неизвестным газом не было, потому что в памяти не было ничего, связанного с этим газом. Было одно: всплывать легко, проблемы дыхания не существовало, всплытие могло длиться гораздо дольше, и всё равно всё было бы в порядке.

Мысль о чемодане превратилась в какую-то неосознанную, но влекущую потребность. Это не была корысть, потому что в чемодане не было ничего ценного. Он никогда не был жадным, и довольно легко мирился с потерями, философски считая, что всякая потеря есть приобретение чего-то большего, например свободы от вещей, и чего-то ещё, плохо поддающегося определению, но необходимого, как необходимо иногда съездить за город. Но если поездка за город требовала личного усилия, потеря доставалась от Бога. /Он не был верующим, но всегда так думал: "От Бога"/. Он не только не жалел о потерях, но по-своему любил их, и любил о них рассказывать, с невольным удовольствием подчеркивая свою рассеянность, забывчивость, невнимательности подробно обрисовывая обстоятельства и то, что Он не намерен был ничего терять, но всё-таки терял. В своих рассказах Он был весел: Его веселили новые потери, хотя нельзя сказать, что случались они часто. Скорее, даже редко, но тем радостнее Он их принимал.

С чемоданом было непонятно, и непонятность эта не занимала Его. Он хотел достать чемодан и всё. Желание так поглотило Его, что Он и не заметил, что идет куда-то, не заметил, как оказался на вокзале, а может быть на станции метро, — или это метро было при вокзале. Сновали люди, двигались эскалаторы, и Он никак не мог попасть на эскалатор, ведущий вниз, пока не сообразил, что вниз надо идти по обычной лестнице. Почему Он хотел идти вниз — Он не знал, Его гнала в определенном, но неясном для него самого, направлении мысль о чемодане. Покрутившись у хитро устроенного ступенчатого эскалатора, Он выбрался на небольшую площадку, с которой увидел внизу тот самый вагон, в котором Он потерпел катастрофу. Спуститься оказалось просто: Он проделал это в секунду и оказался у двери вагона, где люди выносили из вагона и ставили возле него один к другому всевоз-

можные чемоданы, сумки и какие-то мелкие вещи. Были здесь и зонтики, и дамские сумочки, и даже перчатки. Свой чемодан Он увидел сразу. Неопределенного цвета — чемодан был старый, но ещё крепкий — туго набитый, застёгнутый и крепко перетянутый ремнем, он стоял одиноко, не прислоненный ни к каким другим, и это было удивительно: обычно его невозможно было поставить на торец — он падал, так как был мягким и давно потерял всякую форму со стороны крышки, или как это у чемодана называется.

Он не взял его, а вошел в вагон, где оставалась его сумка, о которой Он вспомнил только что. Оказалось, что у Него был ещё какой-то удлинённый предмет, похожий на рулон бумаги. И зонтик. Он аккуратно всё собрал, чтобы можно было взять ещё и чемодан, вышел из вагона, взял его, и только сделал первое движение, чтобы идти, как вдруг вспомнил о газе, и Его охватил страх. Газ был везде. Он снова дышал им, хотя не делал дыхательных движений. Под ногами перестала ощущаться земля, снова всплытие, снова надежда выбраться, дающая покой, и рядом, внутри этого покоя — страх, из-за которого исчезал и сам предмет страха. Газ был уже неважен.

Он оглянулся. Люди продолжали выносить вещи. Некоторые стояли без дела, говорили о чём-то; вероятно, вещей в вагоне осталась самая малость. Он уловил из разговора, что погибших немного, несколько стариков, да пара сердечников, погибших скорее от волнения, от паники, которая всегда связана, говорят, с болезнью сердца. Да, Он это знал: когда однажды с ним случился сердечный приступ, Он испытал это чувство паники, и тогда-то понял, что спастись из любой катастрофы можно только, не поддаваясь панике. Он не паниковал, и Он спасся. Но что делать с этим газом? Страх перед ним превратился во что-то постоянное и не болезненное. Так при сильной зубной боли наступает вдруг момент, когда боль, не исчезая, перестаёт беспокоить. Такие моменты — как замирание внутри самого себя, когда вдруг сосредоточишься, станешь внимательным и услышишь эту боль, и вот, пока слушаешь её — её как будто и нет, хотя вот она, ты её слышишь, но она не болит. Неясный вопрос с газом завис внутри него, как в невесомости, не давил, не ощущался физически, но был внутри, Он слышал его, более того, видел перед глазами, хотя газ этот стал удивительным образом похож на воздух. Казалось, воздух потерял свою прозрачность и незаметность, стал осязаемым; как любой предмет, как вагон, как чемодан, и даже — как люди. Всё объединял этот новый воздух; но, не обняв, объединял, а проникнув во всё, во всех, и сам став всем. Он не мог хорошо объяснить даже себе, что такое этот воздух, этот газ,

которым Он дышал, дышал как обычно, не замечая того, не боясь отравиться, потому что знал, знал точно и теперь навсегда, что Он не отравится немедленно, что яд этого воздуха-газа действует медленно, незаметно, и убивает так же медленно, незаметно и вначале безболезненно, и только потом, когда-то потом люди начнут чувствовать боль, кто раньше, кто позже, а кому-нибудь и повезёт, он умрёт от чего-нибудь другого, от какой-нибудь скоротечной болезни или несчастного случая, или катастрофы, в которой побывал Он, но выплыл, а кто-то может не выплыть... Но Он уже чувствовал боль своего будущего смертельного отравления. Оно уже началось — начал действовать яд. "Может быть, из-за катастрофы, — подумал Он, — Ведь Я пережил такое..., нервы...", — но тут же отогнал эту мысль. "Катастрофа ни при чём, ведь и другие были со мною. Вот брат. Вот брат в шахматы играет... А почём я знаю, что он не носит в себе ту же боль..." Он споткнулся на этом. Он не знал, есть ли у других такое же, то же, что у него... А что же такое есть у него? Он вспомнил: "Катастрофа" — и ужаснулся тому, что не знает, была ли она в реальности или это его собственная разработка одной из повторяющихся фантазий, которые приходят, как и потери, — "от Бога", и пока не проживёшь их до конца, от них не избавиться.

Он давно уже принял это условие, и проигрывает в мозгу всё действие до конца, лишь бы оно скорее кончилось, а самый ближайший путь к концу: не паниковать, и, методично, рационально действуя, завершить ситуацию, завершить катастрофу.